

Дженни
ДЖЕКСОН

НАСЛЕДНИКИ
• С ПАЙНЭШЛ •
СТРИТ

Перевод
Ульяны Сапценой

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИФ

«Миллениалы будут реципиентами крупнейшего в американской истории перемещения активов между поколениями — Великого перераспределения материальных благ, как называют его в финансовых кругах. Ожидается, что десятки триллионов долларов перейдут от одного поколения к другому в ближайшее десятилетие».

Зоуи Бири, The New York Times

«Я живу в Бруклине. По собственному выбору».

Трумен Капоте

Пролог

На совещание к десяти часам Кертис Маккой успевал с запасом по времени, поэтому унес свой кофе на столик у окна, чтобы посидеть на бледном апрельском солнце. Началась суббота, в зале «Джо Коффи» было не протолкнуться, в Бруклин-Хайтс всюду кипела жизнь: женщины в велосипедках толкали коляски по Хикс-стрит, собачники собирались у скамеек на Пайн-нэпл-стрит, целые семьи спешили на футбол, уроки плавания, празднования дней рождения на «Карусели Джейн».

За соседним столиком мать с двумя взрослыми дочерями попивали кофе из голубых с белым бумажных стаканчиков, уставившись в один и тот же телефон.

— Ой, вот этот как раз! У него в профиле сказано, что он любит бег, сам делает кимчи и «подрывает капитализм».

Кертис старался не слушать, но не мог.

— Дарли, он вдвое старше меня. Нет. Ты вообще понимаешь, как работает это приложение?

Имя «Дарли» показалось Кертису знакомым, но он не мог припомнить, где слышал его. Бруклин-Хайтс тесен, и он, вероятно, встречался с ней в очереди за сэндвичами в «Лассене» или пересекался в тренажерке на Кларк-стрит.

— Ладно, ладно. Так, вот этот заявляет: «Веган мужского пола, ищет коллегу — хранителя Земли. Никогда не ем то, у чего есть лицо. Кроме богачей».

— С веганами встречаться нельзя. Обувь мерзкая! — вмешалась мать. — Дай-ка сюда телефон! Хм-м... Вифи здесь отвратный.

— Mam, произносится «вайфай».

Кертис рискнул бросить быстрый взгляд на сидящих за соседним столиком. Все три женщины были в белых теннисных костюмах, мать-блондинка в золотых сережках щеголяла впечатляющей коллекцией колец на пальцах, обе дочери были брюнетками: одна рослая и тонкая, с прямыми волосами до плеч, другая более фигуристая, с длинными волнистыми волосами, собранными в свободный узел. Кертис поспешно отвернулся и отломил крошащийся кусочек от булочки с маком.

— «Немоногамный би ищет мамочку-комми, чтоб помогла мне валить патриархат. Набери меня, и го зажигать!» У меня что, инсульт? — пробормотала мать. — Не понимаю ни слова.

Кертис подавил смешок.

— Mam, дай мне телефон. — Дочь с волнистыми волосами выхватила айфон и бросила в свою сумку.

Кертис вдруг сообразил, что знает ее. Это же Джорджиана Стоктон, вместе с которой он учился в старших классах школы на Генри-стрит десять лет назад. Он думал было поздороваться, но тогда стало бы ясно, что он слышал весь разговор.

— В мое время все было гораздо проще, — сетовала мать Джорджианы. — Встречались обычно или со своим кавалером на балу дебютанток, или с парнем, с которым

брат соседствовал по комнате, когда учился в Принстоне.

— Верно, мама, но мое поколение — не какие-нибудь там чудовищно спесивые снобы, — парировала Джорджиана и закатила глаза.

Кертис украдкой улыбнулся. Он без труда мог представить точно такой же разговор с собственной матерью и безуспешные попытки объяснить ей, что он не намерен жениться на дочери ее подруги только потому, что их земельные участки на острове Мартас-Виньярд граничат один с другим. Пока Кертис краем глаза наблюдал за Джорджианой, она вдруг вскочила.

— О нет! Я оставила свой браслет от «Картье» в BMW Лины, а она скоро уезжает к своей бабушке в Саутгемптон!

Джорджиана рывком повесила сумку на плечо, подхватила с пола теннисную ракетку, наскоро чмокнула мать и сестру и ринулась к двери. Пробегая мимо Кертиса, она задела ракеткой его стол, расплескала его кофе, попавший на булочку с маком, и умчалась, оставив его хмуриться ей вслед.

Саша

В Сашином доме одна из комнат была порталом в другое временное измерение, а точнее — в 1997 год. Здесь Саша обнаружила компьютер «Аймак» в яйцевидном корпусе из прозрачного голубого пластика, лыжную куртку

с пачечкой затвердевших бумажных билетов на подъемники, все еще прикрепленной к застежке-молнии, стопку мятых посадочных самолетных талонов и трубку для курения травки со старой желтой зажигалкой, спрятанную в дальний угол выдвижного ящика. Каждый раз, когда Саша заговаривала с мужем о том, что хотела бы убрать воспоминания своей золовки о старшей школе куда-нибудь в коробку, он закатывал глаза и советовал ей набраться терпения. «Как только у нее появится время, она заберет свой хлам». Но Саша в этом сомневалась, и ей было странно жить в доме, где одна из спален все время стоит закрытой, словно святилище, которое бережно хранят в память о потерянном ребенке.

В хорошие дни Саша охотно признавала, что ей невероятно повезло жить в таком доме. Это массивное, строгого вида четырехэтажное бруклинское здание из известняка с легкостью вместило бы с десяток квартир с одной спальней, вроде тех, где прежде жила Саша. Но в плохие дни Саше казалось, будто ее поместили в капсулу времени в этом доме, где ее муж вырос, никогда отсюда не переезжая, — в доме, заполненном его воспоминаниями, рассказами о его детстве, но главным образом — бараклом его семьи.

Когда Саша и Корд прожили в этом доме вместе три недели, Саша пригласила родителей мужа на ужин. «Я приготовлю тарталетки с грибами и салат с сыром из козьего молока», — сообщила она в электронном письме. Все утро она раскатывала дрожжевое тесто и даже ходила на модный рынок в Монтегю за зернышками

граната, чтобы посыпать ими мелкий молодой латук. Она пропылесосила в столовой, смахнула пыль с книжных шкафов и поставила сансер в холодильник. Свекровь и свекор прибыли, нагруженные тремя холщовыми сумками из «Л. Л. Бин».

— О, не надо было ничего привозить! — расстроено воскликнула Саша.

— Саша! — защebetала ее свекровь, открывая шкаф, чтобы повесить свой жакет букле от «Шанель». — Мы прямо *дождаться* не можем, когда услышим подробный рассказ о вашем медовом месяце!

Сумки она понесла напрямик в кухню и вынула из них бутылку белого бургундского, две цветочные композиции в низких вазах, скатерть с рисунком из геральдических лилий и три посуды для выпекания с крышками и фестонами из «Уильямс Сонома». Выставив все принесенное на кухонный стол, она, чувствуя себя как дома на кухне, служившей ей на протяжении сорока лет, открыла шкаф, чтобы достать для своего вина бокал.

— Я приготовила тарталетки с грибами, — предприняла попытку Саша, вдруг почувствовав себя продавщицей из «Костко» за столом с бесплатными образцами, безуспешно предлагающей попробовать теплые кубики плавленого сыра.

— Видела я в твоём письме, дорогая. Вот и подумала, что намечается ужин на французскую тему. Предупреди меня заранее, за десять минут, и я суну свою заготовку в духовку — там у меня кок-о-вэн. Еще я прихватила эндивий провансаль, и его так много, что твой салат может и не понадобится. Подсвечники вон в том ящике, а теперь давай-ка посмотрим, что там с оформлением стола, и я определюсь с тем, что нам еще нужно.

Из солидарности Корд ел и тарталетки, и салат, но, заметив, с каким вожделением он поглядывает на эндивий, Саша одарила его натянутой улыбкой, означающей «хочешь эту чертову зелень — ешь, но спать будешь на диване».

Эти отношения и договоренности были новыми для каждого из них, и Саша понимала, что понадобится некоторое время, чтобы к ним привыкнуть. Родители Корда, Чип и Тильда, годами сетовали, что дом слишком велик для них двоих, находится слишком далеко от гаража и что им надоело орудовать лопатой, расчищая снег, и таскать мусор для переработки к бордюру. Они входили в число инвесторов многоквартирного дома на расстоянии пары кварталов, бывшего кинотеатра «Бруклин-Хайтс», ныне перестроенного в пять роскошных кондоминиумов, и когда решили занять одну из его двухэтажных квартир, то переехали всего за неделю с помощью одного своего старого «лексуса» и мужа своей экономки, которому заплатили триста баксов. От дома, где они прожили четыре десятилетия, они отказались как-то уж слишком быстро, и Саша так и не смогла понять, что из вещей они увезли с собой на новое место, если не считать одежды. Они оставили в спальне даже свою двуспальную кровать с пологом на четырех столбиках, и Саша испытывала более чем странные чувства, когда ложилась спать.

Стоктоны решили дать Саше и Корду возможность поселиться в их пустующем доме и жить там сколько захочется. А потом, когда-нибудь продав этот дом,

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книги, бесплатные главы и новинки:

